

Пример 1 $\text{♩} = 116$ < 1. ... >

2. А, про_е_зжал тут ма_йор, да по_лко_вни_чок.

3. А, про_е_зжал-от по_лко_вник, так на_ра_до_стнай,

4. А, он на_ра_до_стнай да он не_ми_лост<ив>.

5. А, у бо_га_това кра_сть_яна ста_ли стол сто_ло_вать,

6. А, од_но_го-то <сол_да_тца> во сол_да_ты в_зять,

7. А, во сол_да_ты в_зять да в ка_за_ки пи_сать.

несенных в архивной описи к коллекции Богораза (см. пример 1). Богораз возглавлял Анадырский отдел экспедиции, однако автором записи могла быть его жена Софья Константиновна, сопровождавшая мужа в этом труднейшем полярном предприятии. В течение нескольких месяцев 1900 и 1901 гг., в то время, когда Богораз работал на Камчатке и затем по побережью Охотского моря двигался в сторону устья Анадыря, в Мариинский Пост, Софья Константиновна оставалась на Анадыре и собрала большую часть материалов для американского музея, передвигаясь между Марковым и Мариинским Постом⁴.

Удалось выяснить имя исполнительницы, отсутствующее в архивной описи. Песня записана на том же цилиндре, что и историческая песня о смерти Лопухина, перед началом которой исполнительница называет себя «Ульяна, вот по прозванию Никитевна...». На картонном футляре из-под цилиндра (№ 58), который также находится в Архиве Традиционной Музыки, имеется следующая надпись: «Марково — № 3 — 1) Лопухин — 2) Крестьянский сын и Маёр — Лопухин — Маер Павутски — Сазычиха — Митинка данильевич»⁵. Прозвище Сазычиха, очевидно, происходит от старожильческой марковской фамилии Созыкиных, из чего можно сделать вывод, что песню пела Созыкина Ульяна Никитична.

Марковская песня о крестьянском сыне и майоре была известна автору еще с конца шестидесятых годов по магнитофонной записи уроженца Маркова Э.В. Гунченко (в то время сотрудника научно-исследовательского института в Магадане), сделанной в 1965 г. от Ксении Андриановны Созыкиной (!), которой было тогда, по словам собирателя, более шестидесяти лет:

*Приезжал-то [к] нам майор-полковничек,
Привозил он нам,*

*Привозил он нам да не радости,
А не радости, слёз.
У крестьянушки было три сына,
Все родимые...⁶*

Текст также фрагментарен, без сюжетного развития, но, по словам Гунченко, в Маркове считают, что это песня о майоре Павлуцком (см. пример 2). В приведенной надписи на футляре из-под цилиндра, как мы уже видели, песня, наряду с принятым в научной среде обозначением «Крестьянский сын и Маёр», помечена местным названием с местным же произношением — «Маер Павутский», и это подтверждает закрепленную в сознании марковцев связь ее содержания с личностью Павлуцкого. Подтверждается это и еще одним документом, относящимся к Джесуповской экспедиции. В Петербурге, в Архиве Академии Наук, хранится полевая тетрадь с текстами, записанными дополнительно к фонограммам. Тетрадь так и названа автором записей — «Фонограф. Тексты к записям в Маркове 1901 г.»⁷. В ней приводится полный текст песни с вынесенным заглавием: «Маер Павлутской».

Майор Павлуцкий — последний «конкистадор» Сибири, которому в 30-е — 40-е годы XVIII в. было поручено довести до конца подчинение российской короне всех местных племен. Он возглавлял казаков в последних русско-чукотских битвах, в которых его союзниками были юкагиры, чуванцы, коряки, сами страдавшие от набегов чукчей. От Колымы до Камчатки простиралось поле сражений Павлуцкого, от Колымы до Камчатки пронеслась и закрепилась в памяти людей слава его — для одних кровавая слава «худо убивающего», для других — слава все сильного начальника, бесстрашного воина, надежного защитника. Фердинанд Врангель, возглавлявший

Пример 2

Распевно

При_е_жал - то нам ма_йор - по_лю_вни_чек,
 При_во_вил он нам,
 При_во_вил он нам да не ра_до_сти,
 А не ра_до_сти, сча_стья.
 У кре_стья_ну_шек бы_ло три сы_на,
 Все ро_ди_мы_е.

экспедицию к северным берегам Сибири в 1820—1824 гг., с удивлением констатирует: «Совершенное неведение жителей об открытиях Андреева, помещенных даже на новейших картах, показалось нам тем страннее, что о походах Павлуцкого, бывших гораздо ранее (т.е. в 1731 г.), еще многие подробности были им известны»⁸.

Майор оставил по себе несколько топонимов на якутско-чукотской «землице», его имя стало легендарным: о нем передаются предания, складываются песни.

Смотри, как черный медведь там по бору идет, смотри, как все лесицы пред ним гнутся, валятся; земля дрожит; волки и россомахи падают мертвы от дыхания его: это Павлутский! Это Русак!..

— так пел старик юкагир на Колыме, и песню эту записал Федор Матюшкин, участник экспедиции Ф. Врангеля⁹.

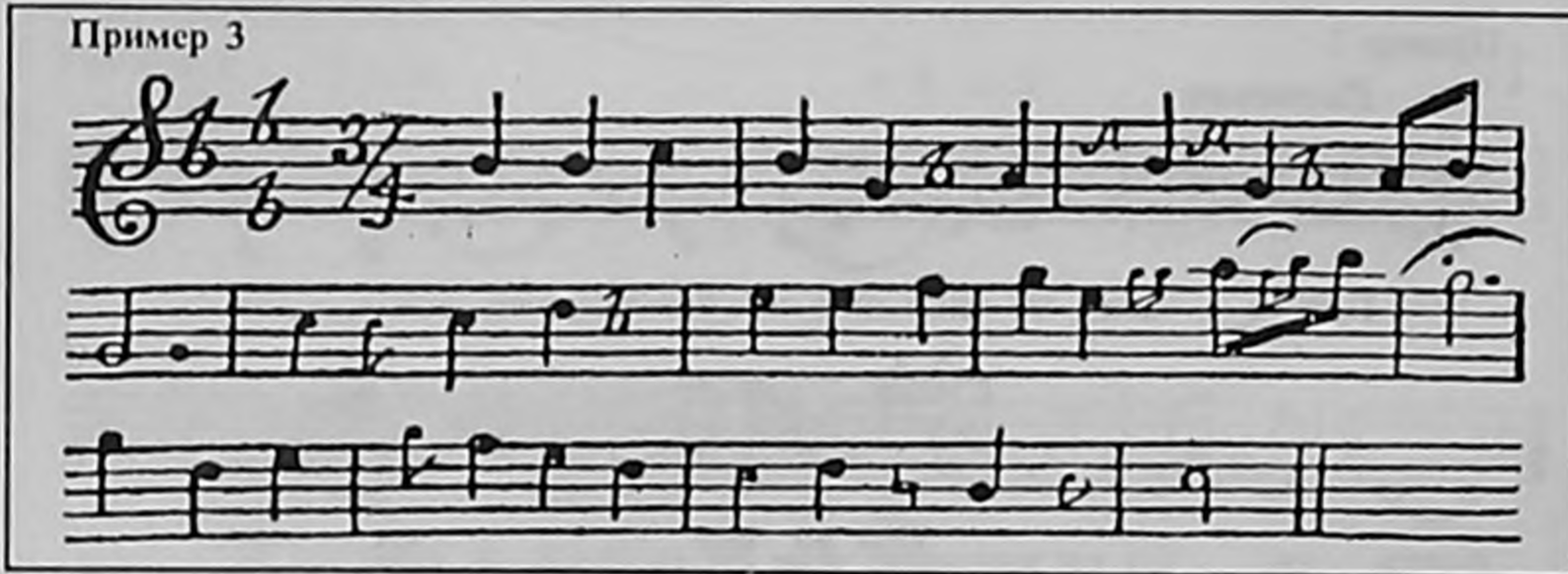
По-видимому, самое раннее упоминание Павлуцкого в связи с фольклорным произведением было сделано его совре-

менником С.П. Крашенинниковым. Их объединяли и совместная служба на Камчатке, и семейные связи¹⁰. В «Описании земли Камчатки» приведена ительменская песня, сочиненная в дар подполковнику Мерлину, майору Павлуцкому и студенту Крашенинникову (см. пример 3):

*Ежели бы я был маеорской повар, то б снял с огня котел с кушаньем.
 Ежели бы я был прапорщиком повар, то бы всегда снимал котел в перчатках.
 Ежели бы я был Павлуцкой, то бы повязался белым галстуком.
 Ежели бы я был Павлуцкого Иван, то бы носил чулки красные.
 Ежели бы я был студент, то б описал всех девок.
 Ежели бы я был студент, то бы описал быка рыбу.
 Ежели бы я был студент, то бы описал всех морских чаек...»¹¹*

Это песня вполне мирного содержания, относящаяся к тому периоду жизни Павлуцкого, когда он в течение нескольких лет вел на Камчатке следствие по делу о Кам-

Пример 3

чатском бунте 1731 г., а заодно занимался вполне мирными делами — заботился, например, о разведении рогатого скота и злаковых культур.

Другое дело юкагирская песня и чукотские предания — они повествуют о битвах. Вот продолжение песни, слышанной Федором Матюшкиным:

Смотри, как за ним его славная дружина, его ясные соколы летают и увиваются!

Но там что под камнем чернеет, там в ущелине той крутой скалы? — То берлога медведя Чукотского, славного Шамана и Витязя, сильного Кочина юрта! Все Чукотское разбитое воинство в нем только видит спасение.

Ой! ты славный Русский герой! не в юрте ты меня здесь убьешь; не баба я: выйду тотчас в бой! Дай надену я свой куюк (панцирь), вооружусь тяжелым копьем, повяжусь большим ножом. Успех решит: кто сильнее, мои ли духи, твой ли бог?

И нечистый спускается на свое достояние, на Кочина. Кровь и огонь брызжут из глаз его, и рука его уже поднимается, адом подкрепленная!

Павлутский видит дерзость адову против всеильного бога, противу воинства христианского. Вдруг наморщилось чело его, глаза засверкали так, что солнце потеряло свет; он бросается на Кочина, вырывает копье сильного, хочет поразить его тяжелым палашом; Кочин уклоняется, исторгает листовень с корнем, взмахивает, да поразит его Русского, — но тут пуля роковая просвистала славному прямо в грудь. «Кто из вас осмелился отнять славу мою и честь мою? Пусть орлы вас Чукотски всех убьют».

Зашумело стадо орлино; свистом бросилось на Русских. Долго дрались ясны соколы с орлами мощными; много пало ясных соколов — и Русскому стало жаль своих! Он взревел зычным голосом, и все стадо разлетелось в разные стороны!¹²

Начиналось же повествование, по словам Матюшкина, с повеления «дщери солнца» — императрицы Елизаветы идти Павлуцкому против чукчей, «далее: прощание его с женою и детьми. Проезд в Нижне-Колымск. Набор команды. Потом его поход, сражения, смерть».

Погиб Павлуцкий в марте 1747 г. По преданию, был он жестоко замучен чукчами, попав к ним в плен в последнем своем сражении, будучи уже тяжело ранен. Устная память анадырщиков настолько цепко

хранила подробности походов Павлуцкого и его смерти, что более чем через сто лет житель села Марково Афанасий Ермилович Дьячков рассказывает об этих событиях, как современник:

Павлуцкий повстречался с чукчами у озера, ныне называемого Майорским. Как только началась битва, изменники пустились в бегство. Между тем, чуванцы, вероятно, не скоро после ухода майора из острога, пришли в оный и, не заставив русских, поспешили за ним, потому что знали неверность коряков. Дорогой они повстречали беглецов еще не далеко от острога, которые сказали чуванцам, что никого в живых в битве не осталось, и майор убит... Между тем майор с несколькими верными казаками долго сопротивлялся несметному множеству чукчей и, если бы чуванцы, не послушавши изменников, поехали вперед, то застали бы майора еще в живых. Так мученически кончил жизнь свою сей доблестный полководец вследствие измены. Чукча, попавшийся в плен чуванцам, следующим образом описывал кончину майора. После побега изменников чукчи долго не могли убить Павлуцкого, потому что он носил панцирь. Чукчи долгое время стреляли в него из луков и кололи копьями, а все-таки не могли его ранить; наконец, обступили его, как волки оленя, запутали ремнями, уронили на землю и нашли место заколоть, под самым подбородком. По такому событию и озеро то прозвалось «Майорским»¹³.

Неизгладимое и устрашающее впечатление производил на чукчей сверкавший на солнце панцирь Павлуцкого, делавший его неуязвимым. «Огненный таньг, одетый железам, худо убивающий», «одетый белым панцирем, подобный белой чайке, с длинным копьем в руках», — так рисуется Павлуцкий¹⁴.

Легендарная кольчуга Павлуцкого имела свою историю и после смерти майора. Одновременно с распространением фольклорных преданий она продолжала свою реальную жизнь, передаваясь из поколения в поколение в тойонском роде чукчей, победивших русского начальника. Из рук последнего ее владельца кольчуга попала к колымскому исправнику барону Майделю, о чем тот рассказывает в своем «Путешествии по Северо-восточной части Якутской области»:

Я очень трогательно простился со стариком Амвраоргиным... В качестве последнего дара он

принес мне кольчугу Павлуцкого, которая находилась в его семье, насколько он мог припомнить, со времен деда. О смерти Павлуцкого он не мог мне ничего рассказать или не желал этого по каким-то ему одному известным причинам, но он утверждал, что кольчуга принадлежала майору; по всей вероятности, оно так и было. Она состояла из очень искусно вложенных друг в друга железных колец и напоминала собой род панцирей, которые носили сподвижники Ермака Тимофеевича и первые продолжатели его дела. В западной Сибири таких кольчуг было найдено несколько, в восточной же они крайне редки. Во всяком случае, они были уже неизвестны завоевателям Колымы. Только про Павлуцкого рассказывается, что в своих походах он всегда носил подобный кольчатый панцирь. Принимая в расчет, с одной стороны, то обстоятельство, что такая кольчуга у него действительно была украдена, а с другой, что сражение, в котором он погиб благодаря измене сотоварищей, было единственным, в котором чукчи одержали верх над русскими, не подлежит сомнению, что кольчуга эта принадлежала ему. Я принес ее в дар Иркутскому музею, где она погибла во время пожара в 1879 г.¹⁵

Неудивительно, что старый Амвраоргин не захотел рассказывать русскому исправнику о кончине майора. Гибель Павлуцкого, ставшая для чукчей символом прекращения войн с русскими, приобретает в их преданиях кульминационное значение. Она описывается в разных вариантах, которые соперничают в изощренной жестокости. В некоторых казнь происходит на глазах других пленных русских в назидание: «Сказали им: „Будете смотрящими, что мы сделаем, что [б] прекратилось худое убивание наших“»¹⁶.

В.Г. Богораз слышал и записал несколько «Сказок о Якунине» — с этим именем вошел майор Павлуцкий в чукотский фольклор¹⁷. Часть таких сказок-преданий, которые чукчи относят к разряду «Времен раздоров вести», он опубликовал в научных трудах, ввел в свои «Чукотские рассказы»¹⁸. Подробности этих преданий, по его свидетельству, «до известной степени совпадают и с русско-юкагирскими преданиями»¹⁹. Одно из них Богораз записал от обрусевшего олонского старика Иннокентия «Югловского». Этот текст был обнаружен автором в тетради, хранящейся в Архиве Института Востоковедения РАН в Петербурге:

А то был в старину русский богатырь Пихлуцкий ли, как ли. Так он дрался тоже с чукчами, так он в кольчуге ходил. Он один-то, а чукок обуза целая. Ну чулки его обступят, а он одного возьмет, да так на все стороны махает. Ну, однако, напоследок его одолели, так проколоть-то не могут, а давком его взяли, повалили, всего истискали, все живой, глаза-то вынули, лицо изрезали, а колоть станут, нож ломается, так напоследок сам он от великой муки кольчугу растегнул и грудь свою открыл. Ну после кольчугу смотрели, так сколько-то пудов²⁰.

Деятельность майора Дмитрия Ивановича Павлуцкого была столь значительна и приметна, что его имя непременно и многократно упоминается в «Отчетах...», «Путешествиях...», «Описаниях...» географов, историков, исследователей Северо-Востока Сибири XVIII—XIX вв. Кроме ратных дел, он был и начальником Анадырского острога, и якутским воеводой; его поход по побережью Ледовитого океана доказал возможность прохождения по суше пути от мыса Шелагского до Чукотского носа; по инициативе Павлуцкого было произведено обследование побережья и островов в проливе Беринга, что положило начало открытию Америки со стороны Сибири²¹. На этом фоне молчание наших энциклопедий кажется не случайным (статей о Павлуцком нет ни в Большой, ни даже в специальной Сибирской советских энциклопедиях). Есть, правда, статья в энциклопедии Брокгауза и Эфрона²². Павлуцкий назван в ней скромно и безобидно: «Майор, путешественник»; затем перечисляются некоторые его походы, а кончается статья сведением: «Умер в Якутске воеводою». Что это — ошибка, фальсификация? В издании «Путешествия...» Ф. Врангеля (1948 г.), в именном указателе Павлуцкий назван не менее скромно и безобидно: «Исследователь северо-востока Азии». Скорее всего это тоже явление «мифотворчества», в этом случае официально-идеологического. Противоречивый персонаж эпохи колонизации Сибири не должен был наводить тень на реноме национальной политики ни царской, ни советской власти.

Но вернемся к русской, марковской песне, наиболее полный словесный текст которой был записан в тетради в те же дни или в тот же день, что и фонограмма. В правом верхнем углу листа с текстом песни сделана приписка: «Записана на цилиндр № 1—2 Лапухин (так. — Т.Ш.)». Это еще одно доказательство соответствия записи в тетради той фонограмме, что была сделана от «Ульяны Никитевны, Сазычихи»:

Маер Павлутской

*Жил хрестьянушко в селе богатом,
У него-то були три сына.
Тут приезжал к нему маер-полковничек
От самого литца государева.
Он читат указ нерадостной,
Из троих братьев просит во некруты.
Спроговорил хрестьянушка богатый:
— Мне большего-то сына нельзя дать,
А средняго мне не хочется,
А меньшему-то господь велит.
Тут хрестьянский сын задумался
И запечалился, и расплакался.
— Ах, ты мой батюшка родимый,*

*Те-то тебе детушки, видно, родимые,
А я-то видно пасынок.
Тут хрестьянушка запечалился
И ужалился, и расплакался.
— Все вы мои детушки родимые
И подите в нову кузницу,
А вы скуйте все по ножсечку,
Как по ножсечку, по булатненому,
И подите в чисто поле,
И находите вы ракитовый куст,
И среште все по прутику,
Вы доспейте все по жеребу,
Вы бросайте во сине моря.
Старшаго-то сына поверх плават.
Среднего брата под потреть воды,
А меньшого брат[а] жереб как ключ ко дну.
Тут крестьянский брат расплака[лся].
— Ах, вы братья все родимые,
А вы подте к отцу, матери
И к молодым женам.
Отцу, матери — благословение,
И роду племяни — челобитеца,
А мне-то уж как Бог велит.
Конец²³.*

Это известная и некогда распространенная песня, относящаяся к рекрутскому циклу. Она много раз публиковалась, будучи записанной в разных областях России²⁴. Исследователи связывают ее содержание с принятыми в начале XVIII в. наборами в армию на 25-летний срок. Следовательно, оно никак не отражает судьбу майора Павлуцкого.

Нам не известны какие-либо русские песни, сложенные о Павлуцком или в связи с ним, как это произошло в фольклоре аборигенов, хотя на Колыме Богораз записал две песни о жизни местных казаков²⁵. Русское песнетворчество проявлялось здесь главным образом в жанрах колыбельных и песен, которыми пестовали детей, шуточных уличных песенок и лирических импровизациях — андыльщинах²⁶, тогда как эпические и лиро-эпические песни — былины, баллады, исторические — сохраняли свои традиционные тексты, в некоторых случаях лишь наполняясь местными топонимами, оборотами местной речи. В этой связи примечательно, что юкагирская песня о Павлуцком сложена с заметным влиянием и православия, и русской эпической лексики.

Очевидно, магия звучания начальственного слова «майор» вызывала у марковцев совершенно конкретные ассоциации. Влияние местных преданий о Павлуцком, добрая память о котором — по свидетельству Г. Майделя — жила между жителями Анадыря²⁷, и память о том, как Павлуцкий производил среди местных жителей наборы в свое ополчение для отпора чукчам, — все это накрепко связало майора из рекрутской песни с майором Павлуцким.

Интересно, что два марковских напева, записанные с промежутком в шестьдесят пять лет, заметно отличаются друг от дру-

га и, в то же время, объединены целым рядом признаков, тяготеющих к архангельским вариантам этой песни с берегов Пинеги, Мезени и Печоры²⁸. При различной ритмической интерпретации тонического девятисложного стиха безусловна общая картина интонационно-ладового развития: соотношение устоев, иногда почти буквальное совпадение ступеней в моменты мелодико-стиховых акцентов, совпадение целых мелодических оборотов. Наибольшее сходство проявляется с одним из мезенских (Песенный фольклор Мезени, № 53) и нижнепечорским (Песни Печоры, № 196) вариантами. Наряду со значительной интонационной близостью (несмотря на отличие конечного устоя в нижнепечорском напеве), здесь — то же одностиховое строение напева. Однако композиция мезенской и нижнепечорской песни отличается наличием зачина — цепного запева, который вычленяет и повторяет последнее полустихие. Такая песенная строфа в полтора стиха в одном из марковских вариантов (запись 1965 г.) трансформируется в аналогичную строфу, где «третье» полустихие выполняет не запевную функцию, а функцию каденционного дополнения. Примечательно, что мезенские певички при пении изредка пропускали зачины (о чем сообщают в комментарии к песне авторы записи), и таким образом возникала чисто одностиховая музыкальная форма, аналогичная марковскому варианту столетней давности. Возможно, одностиховая форма являлась первичной в эволюции песни. Такие ее образцы были зафиксированы в Поморье, где песня бытовала в качестве рекрутского причитания²⁹.

Композиционное и ритмическое различие марковских напевов при определенном интонационном их родстве можно объяснить или бытованием здесь двух версий песни — эпической (запись начала века) и лиро-эпической (запись 1965 г.), или тем, что песня эта не была общераспространенной на Анадыре и изменялась, подчиняясь индивидуальной исполнительской трактовке. Так, запись 1965 г. демонстрирует сольно-импровизационную манеру пения, что проявляется в ритмической и метрической нестабильности мелодико-стиховых построений.

Словесный текст марковской песни также близок названным записям из Архангельской обл.

Близкий вариант той же песни (ее поэтический текст) был записан в 1946 г. и на Индигирке³⁰. Совершенно очевидно происхождение анадырской и индигирской песен из одного источника (по-видимому, восточной части Русского Севера). О какой-либо связи песни, записанной на Индигирке, с

именем Павлуцкого ничего не известно, хотя здесь о нем безусловно знали, и на берегу самой реки стояла путевая мета — крест, называемый «Майорским»¹¹. Да и само слово «майор» выпадает из индигирского варианта, оказывается необязательным, там поется: «*Приезжал молодой полковничек...*» Связь песни с образом реального Павлуцкого произошла именно на Анадыре, вблизи современного Маркова, где разыгрывались когда-то наиболее значительные эпизоды военной биографии майора.

Таким образом, перед нами раскрывается наглядная картина рождения фольклорных ипостасей реального исторического лица. С одной стороны, это мифологизация исторического героя в фольклоре аборигенов, с другой стороны — историческая персонификация героя фольклорного в русской песне марковцев.

Примечания

¹ *Богораз-Тан В.Г.* Чукчи. Ч. 1. Л., 1934. С. XIII.

² *Шенталинская Т.С.* «Не прошло и ста лет...» // *Живая Старина*. 1999. № 2. С. 31—34.

³ В <угловые скобки> здесь и далее помещены фрагменты текста, неясные при прослушивании звукозаписи или прочтении рукописи.

⁴ *The Jesup North Pacific Expedition // The American Museum Journal*. Vol. III. October, 1903. № 5. P. 110. См. также: *Шенталинская Т.С.* «Не прошло и ста лет...» // Указ. изд.

⁵ Тире проставлены автором, чтобы отделить надписи, бессистемно расположенные по картонной поверхности футляра. Звукозапись былины «Митинка (Мишенька. — Т.Ш.) Данильевич» сильно искажена механическими повреждениями, практически не поддается расшифровке.

⁶ Песня вошла в дипломную работу автора по окончании Государственного Музыкально-педагогического института им. Гнесиных: *Шенталинская Т.С.* «Песни села Марково». 1969 г. № 27. С. 80.

⁷ *Богораз В.Г.* Фонд 250, оп. 1, ед. хр. 118а.

⁸ *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. Издательство Главсевморпути, 1948. С. 155.

⁹ Там же. С. 385—386.

¹⁰ С.П. Крашенинников был женат на племяннице жены майора Павлуцкого. См.: Письмо профессору Миллеру от 13 ноября 1741 г. // *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. М., Л., 1949. С. 640.

¹¹ *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. С. 431. Здесь приведен перевод начального фрагмента, в котором упоминается Павлуцкий.

¹² *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. С. 385—386.

¹³ Анадырский Край: Рукопись жителя села Маркова г. Дьячкова // Записки Общества изучения Амурского края. Т. II. Владивосток, 1893. С. 38—39.

¹⁴ *Тан (Богораз В.Г.)*. Восемь племен. Чукотские рассказы. М., 1962. С. 324—325.

¹⁵ Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868—1870 годах барона Гергарда Майделя. СПб., 1894. С. 264.

¹⁶ Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.Г. Богоразом. Часть I: Образцы народной словесности чукоч. СПб., 1900. С. 334. В [квадратные скобки] здесь и далее помещены фрагменты текста, восстановленные автором.

¹⁷ Богораз высказывает предположение, что Павлуцкий, по традиции русских на Колыме и Анадыре, имел особенное уличное имя — «Якуня». См.: *Богораз-Тан В.Г.* Чукчи. С. 172.

¹⁸ Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. Указ. изд. №№ 15, 127, 128, 129.

¹⁹ Там же. С. 93.

²⁰ *Иохельсон В.И.* Фонд 23, оп. 1, ед. хр. 10(3), л. 212 об. Тетрадь несомненно принадлежит В.Г. Богоразу и относится ко времени его участия в экспедиции Сибирякова, о чем свидетельствуют и по черк, и содержание записей, и даты (см. также: *Скрыбькина Л.Н.* Записи былины В.Г. Богораз, обнаруженные в собрании В.И. Иохельсона // *Русский фольклор*. Л., 1989. Т. 25. С. 153—158).

²¹ Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 91.

²² *Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. XXIV. СПб., 1897. С. 575.

²³ Указ. тетрадь, л. 11-11 об. Сохранена орфография оригинала, очевидно, передающая местное произношение; добавлены необходимые знаки препинания.

²⁴ См. перечень публикаций: Песни Пинежья. Кн. 2. М., 1937. С. 480—481 (коммент. к № 107); *Фольклор Русского Устья*. Л., 1986. С. 323 (коммент. к № 135).

²⁵ Областной словарь Колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В.Г. Богораз // *Сборник ОРЯС*. СПб., 1901. Т. 68, № 4. С. 302, 303. №№ 137, 138.

²⁶ Там же. С. 174—177.

²⁷ Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868—1870 годах барона Гергарда Майделя. С. 64.

²⁸ Песни Пинежья. № 107, 107а; *Абрамский А.* Песни Русского Севера. М., 1959. № 50; Песни Печоры. М.; Л., 1963. № 2, 196; Песенный фольклор Мезени. Л., 1967. № 52, 53.

²⁹ Русские народные песни Поморья. М., 1966. № 82; Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971. № 17.

³⁰ *Фольклор Русского Устья*. № 135. С. 253.

³¹ Ф. Врангель пишет, что крест этот был «поставлен Павлуцким перед походом (и смертью) его в Чукотскую землю» (*Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. С. 376).